

Article No. 250

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.06>

Artykuł badawczy / Research article

Copyright © 2021 SRG and M. Mikhnovets¹

Citation:

Михновец, М. (2021). Дифференциация образов провинции, колонии, пограничных территорий и окраин России в творчестве Достоевского. *Studia Rossica Gedanensia*, 8: 107–120.

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.06>

Mikhnovets, M. (2021). Differenciaciã obrazov provincii, kolonii, pograničnyh territorij i okrain Rossii v tvorčestve Dostoevskogo. *Studia Rossica Gedanensia*, 8: 107–120. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.06>



ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБРАЗОВ ПРОВИНЦИИ, КОЛОНИИ, ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ОКРАИН РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

МАРИЯ МИХНОВЕЦ / MARIA MIKHNOVETS

Санкт-Петербургское Государственное бюджетное учреждение культуры «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского» / Saint Petersburg State Cultural Institution
“F.M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum”

ул. Достоевского д. 2/5, RU-191002, г. Санкт-Петербург, Россия / Dostoyevskogo 5/2 St.,
RU-191002, Saint Petersburg, Russia

Corresponding Author e-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>

(получено / received 26.09.2021; принято / accepted 2.10.2021)

¹ This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0 <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/>) which permits use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the article is properly cited, the use is non-commercial, and no modifications or adaptations are made. Publisher: University of Gdańsk. Faculty of Language [Wydawca: Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny]

Abstract

The differentiation of the images of the province, colony, border, territories and outskirts of Russia in Dostoevsky's works

The article aims to explore the images of provinces, colonies, and border territories in Dostoevsky's geopolitical world-view. The study was carried out using historical and literary conceptual frameworks with methods of geopolitical research. The article shows that the image of the province is actually an artistic image, inscribed in the traditions of the provincial texts of Russian culture. The images of colonies, border territories, and outskirts are artistic images with a strong geopolitical component. Thus, Dostoevsky focuses on the problem of the ethnocultural and national identity of these lands.

Keywords: Dostoevsky, province, colony, border, geopolitical world-view, *A Writer's Diary*.

Резюме

Статья посвящена изучению образов провинции, колоний, пограничных территорий в геополитической картине мира Достоевского. Исследование выполнено в рамках историко-литературного подхода с привлечением методов геополитических исследований. В статье показано, что образ провинции является собственно художественным образом, вписанным в традиции провинциального текста русской культуры; тогда как образы колоний, пограничных территорий, окраин являются художественными образами с сильной геополитической составляющей: в центре внимания Достоевского оказывается проблема этнокультурной и национальной самобытности этих земель.

Ключевые слова: Достоевский, провинция, колония, граница, геополитическая картина мира, *Дневник писателя*.

В обширном творческом наследии Ф.М. Достоевского сложился сложный и многосоставный художественный образ Российской империи, включенный в систему разных проблемно-тематических комплексов. Одной из ключевых составляющих образа России является образ земель, находящихся за пределами столичных городов: Петербурга и Москвы. Цель настоящей статьи – определить характерные особенности образа этих земель в творчестве Достоевского, а также выяснить, из каких составляющих он в свою очередь складывается и в чем заключаются отличительные черты каждой из его составляющих.

Большое количество исследовательских работ посвящено изучению того, что представляли собой в русской культуре XIX века территории за пределами Петербурга и Москвы. Чаще всего в фокусе внимания исторических дисциплин, работ по семиотике культуры, феноменологии оказывается провин-

ция (*Геопонома... 2004; Казари 2000; Карелова 2011; Русская провинция 2000*). В отечественной науке о литературе традиция изучения провинции восходит к трудам М.М. Бахтина. Филолог в своей классической работе *Формы времени и хронотопа в романе* описывает провинциальный хронотоп как «...густое, липкое, ползущее, в пространстве время», которое «...переплетается с другими, не циклическими временными рядами или перебивается ими» (Бахтин 1975: 302). Подробный обзор работ, посвященных теме провинции в русской литературе, был сделан А.Е. Козловым (Козлов 2012). Сопоставив разные подходы к определению объема и содержания понятия «провинция», исследователь трактует его следующим образом: «Пространство городской провинции (...) – художественный конструкт, восходящий не к эмпирической действительности, а к существующей культурной традиции» (Козлов 2012: 101). Согласно мысли исследователя, в русской культуре укоренился такой образ провинции, который отражал скорее популярные общественные идеи в их преломлении к провинциальной проблематике, мировоззрение писателя, нежели образ, имеющий непосредственное отношение к реальным российским провинциальным городам. Тюменский филолог Е.Н. Эртнер продолжает развитие этой мысли в своей монографии *Феноменология русской провинции в русской прозе конца XIX – начала XX в.*: «Образ провинции имеет не творческую, а знаковую природу и функционирует как “указание” на некую условную провинцию, (...) апеллирует уже не к пространственному восприятию, а к литературному» (Эртнер 2006: 37).

Можно говорить о том, что в литературоведении сложился корпус исследований, в которых вводится понятие «провинциального текста русской культуры», «провинциальный топос» (Шукин 1997; Попова, Шурупова 2012; Расторгуева 2018), и оно оказывается в одном ряду с такими понятиями, как «петербургский текст», «кавказский», «усадебный». В каком контексте зарождается провинциальный текст русской культуры и каковы его основные особенности?

Исследователи видят причину возникновения провинциального текста в самих особенностях русской культуры XIX века. Одной из основных бинарных оппозиций в её семиотической структуре было противопоставление центра и периферии, столицы и провинции. И.И. Мурзак считает, что при сформировавшейся ещё в XVIII веке в русской культуре оппозиции «старой», «русской» Москвы и «нового», «европейского» Петербурга потребовалось появление пространства за пределами этой бинарной оппозиционности (Мурзак 2007). И так, не без влияния идей сентиментализма и Ж.Ж. Руссо, родился провинциальный топос: «как невозможность вписать героя в Москву–Петербург как новый город и уютную старину, но вынести их за пределы этой логики в принципе» (Мурзак 2007). Провинция стала местом, «рождающим не только Скотининых и Пустяковых, но и Татьяну Ларину» (Мурзак 2007). Эта вариация образа провинции в русской литературе может быть обозначена как провинциально-идиллическая.

Как известно, идиллический топос существует вне исторического течения времени, и отсюда следует ещё одна особенность провинции в русской литературе. По мнению В.А. Викторовича, эта особенность заключается в понимании провинции как «образа сонного царства» (Викторович 2009: 337). Тревоги

быстротекущего времени не властны над провинцией, она предстает как пространство, свободное от его разрушительных законов. Покой, устойчивость, спокойствие и неизменность существования выделяет в качестве ведущих провинции выделяет и польский исследователь В.Г. Шукин (Шукин 1997: 161). Ярчайшим примером этой идиллии является образ Обломовки в романе Гончарова *Обломов*.

Однако помимо фольклорно-идиллической стороны образа, связанной с этой исключенностью провинции из стремительного хода исторического времени, есть и ещё одна особенность, которую подчеркивает в своей работе Л.А. Браже. Провинциальность в русской культуре становится синонимом «неполноценного, отсталого, патриархального, свойственного не столичному (a priori – передовому), а окраинному, закосневшему мировосприятию» (Браже 2003). Для понимания образа провинции как инертного, и в силу своей непросвещенности даже порочного пространства, любопытны наблюдения Э. Лоунсбери (Lounsbury). Американская исследовательница обращает внимание на само значение слова «провинция». Если во времена Петра I оно обозначало исключительно административную единицу, то при Екатерине II было заменено словом «губерния». В дальнейшем оба слова сосуществовали в языке, но «провинция» всегда была коннотативно окрашена: провинция понималась как нечто противоположное просвещенному центру и даже враждебное по отношению к нему. Таким образом, понятие «провинциальности» всё сильнее связывалось с понятием отсталости, непросвещенности. Кроме того, выделим то, что в своей работе подчеркивает и Лоунсбери: понятие «провинции» вовсе не включает в себя понятие «деревни» и сельской жизни как таковой. Деревня и сельская жизнь будут пространством того самого идиллического топоса, о котором речь шла выше. Провинцией всегда оказывается маленький город (Lounsbury 2016: 163).

Творчество Достоевского принадлежит культурной традиции XIX века, и многие особенности его поэтики соответствуют общероссийскому культурному канону. Это во многом касается и трактовки образа провинции, бытованию провинциального топоса в произведениях писателя. Подробный разбор того, какой предстает провинция в художественном наследии писателя, был сделан Е.Г. Кузнецовой в работе *Концепт «провинция» в художественной системе Ф.М. Достоевского* (Кузнецова 2007). Выделим основные черты образа провинции в творчестве Достоевского, основываясь на материале названной статьи и дополняя собственными наблюдениями.

Во-первых, образ провинции в том или ином виде присутствует практически во всех художественных произведениях автора. Действие может происходить в провинции, герой может быть родом из провинциального города. Как пишет Кузнецова, «писатель создает своеобразный 'провинциальный контекст'. Где бы ни происходило действие, оно обязательно имеет непосредственные или случайные связи с пространством провинции» (Кузнецова 2007: 286).

Во-вторых, как отмечает исследовательница, «уже в своем первом произведении (...) писатель задает оппозицию 'столица-провинция' как условно-отрицательного и условно-положительного пространства». Представляется необходимым сделать существенное уточнение вывода, к которому приходит автор

статьи. Кузнецова приводит множество примеров из романов Достоевского, в которых герои стремятся покинуть Петербург как враждебное по отношению к ним пространство и попасть в провинцию. Однако представляется, что это не универсальная характеристика всего пространства за пределами Петербурга, а только один из аспектов сложного образа провинции. Это «условно-положительное пространство» за пределами больших городов выше мы обозначили как провинциально-идиллическую вариацию образа провинции. В мировоззренческой системе Достоевского подобное видение города во многом восходило к теориям французских социалистов-утопистов, которые видели городской путь развития цивилизации как недолжный, а идеал будущего мыслили как жизнь человека в его непосредственной связи с землей. В 1860-х гг. идеи французских философов нашли отражение в почвеннической концепции Достоевского. Во многом этим объясняется, что деревни Вареньки Доброселовой, Раскольниковва, Настасьи Филипповны, где герои провели свои счастливые детские годы, – примеры не реальных топосов, связанных с конкретными провинциальными городами, а скорее представление героев об идеальном бытии, невозможном в Петербурге.

При этом не стоит упускать из виду, что наравне с идиллическим образом присутствует и негативный образ провинциального города: едва ли Скотопригоньевск, Мордасов и уездный город *Бесов* может быть назван идиллией, скорее напротив. И в этом заключается следующая особенность образа провинции: не просто его двойственность, но и полисемантичесность – это отмечает в своей работе Кузнецова (Кузнецова 2007: 288).

Несмотря на безусловную справедливость большинства выводов, к которым приходит Кузнецова, с одним положением, выдвинутым исследовательницей, нельзя согласиться:

Провинция для Достоевского – вся Россия без Петербурга. Москва, где родился и вырос писатель; имение отца в селе Даровом; деревушка Черемошна, где семья Достоевских проводила лето; затем Сибирь с Тобольском, Семипалатинском, Кузнецком, многочисленными провинциальными городами, селениями, деревушками; Тверь – после возвращения из Сибири; Старая Русса, где создавался роман *Подросток* (Кузнецова 2008: 8).

Кузнецова обращается к любопытному аспекту образа провинции: её географической локализации. Действительно, в совершенно разных литературоведческих, культурологических работах описывается то, что присуще провинции, каковы её черты. Однако мало где проблематизируется вопрос о том, какие именно земли и города, за исключением столичных, к ней относятся. Исследовательница полагает, что в картине мира Достоевского к провинции относятся все российские территории за исключением Петербурга, однако это представляется более чем спорным. Даже при поверхностном анализе становится очевидно, что в художественных произведениях и черновиках к ним, в воспоминаниях, письмах Достоевского всем названным топонимам будут присущи совершенно разные черты и далеко не все из них будут так однозначно причисляться к провинции. Например, несмотря на то, что и Старая Русса, и Семипалатинск действительно будут находиться на одном полюсе оппозиции «Петербург – вся

Россия», но между этими городами в картине мира Достоевского больше различий, чем общих черт.

Безусловно, за словами Кузнецовой о том, что «провинция для Достоевского – вся Россия без Петербурга», стоит очень важная особенность понимания писателем современной ему русской жизни. Он неоднократно подчеркивает, что Россия вовсе не ограничивается Петербургом, всю страну и русский народ невозможно понять только через призму города на Неве. В этом заключается принципиальная особенность понимания Достоевским места и роли нестоличных земель в составе России. Понимание особой ценности этих земель приобретает с годами более явный характер в картине мира Достоевского. В послекаторжный период творчества писатель задается вопросом о том, что есть Россия, каково ее место на карте Европы, в чем заключается её самобытность. И в ходе размышлений над этим вопросом земли за пределами Петербурга и Москвы становятся для Достоевского своеобразным инструментом, призмой для познания России. Это приводит к тому, что всё большее значение приобретает геополитическое содержание образа этих земель и геополитическая проблематика, связываемая писателем с ними. В ходе этого процесса оказывается, что художественный образ русской провинции, существующий в русской культуре и литературе XIX века, а также присутствующий в творческом сознании писателя с его характерными чертами, перечисленными выше, вовсе не подразумевает присутствие в нем внутреннего геополитического напряжения. Образ провинции оказывается тем самым «художественным конструктом», о котором писал А.Е. Козлов. Геополитическая проблематика в образе провинции не актуализирована. И это подводит нас к мысли о принципиальной необходимости дифференциации образа провинции с другими образами: периферии, пограничной территории, колоний и окраин Российской империи – формально, с географической точки зрения также имеющими отношение к нестоличным землям России. О разграничении и содержании этих образов и пойдет речь ниже.

По наблюдению Э. Лоунсбери, в русском культурном сознании XIX века различия между такими понятиями, как провинция, колония, пограничные земли и границы, не были четко детерминированы (Lounsbury 2016: 162). Опираясь на понятийный аппарат методологии постколониальных исследований, Лоунсбери утверждает: в то время как некоторые регионы России по своему характеру были явными колониями или пограничными областями, статус других был более неоднозначен. При этом в обиходе экзотические земли: например, Кавказ, Средняя Азия – никогда не назывались провинцией, это название относилось именно к русским землям (Lounsbury 2016: 162). Дополним выводы американской исследовательницы: судя по всему, Сибирь и сибирские города должны быть вынесены в особую категорию. С этой точки зрения показательно, например, что в достоевведении активно используется понятие «сибирского текста Достоевского» (Габдуллина 2016; Сафронова 2020), который не тождественен «провинциальному тексту».

В глоссарии писателя можно выделить следующие единицы, гиперонимом к которым будет понятие «нестоличные земли»: провинция, окраины, колонии, пограничные земли. Заметим, что слово «периферия» Достоевский ни разу не

употребляет в своих художественных, публицистических произведениях, не встречается оно и в переписке. Об образе провинции в творчестве Достоевского речь шла выше. Непосредственно образ окраин был подробно проанализирован и описан автором настоящего исследования в статье «*Окраины*» *Российской империи в геополитической картине мира Достоевского* (Михновец 2021). Для писателя окраины – это в первую очередь западные пограничные территории России, которые характеризуются геополитическим напряжением на этнокультурной, социокультурной и конфессиональной почве, а также остротой еврейского вопроса. К окраинам Достоевский относит Польшу, Остзейские провинции – земли, где происходит столкновение западной цивилизации и православной славянской России. Обратимся к тому, что являют собой образы колоний и пограничных земель Российской империи, этот вопрос ранее в достоеведении не поднимался.

Слово «колония» в значении зависимой территории, находящейся под властью иностранного государства, в наследии Достоевского не является широкоупотребительным. Нельзя говорить и о глубокой и всесторонней разработке образа колоний. Тем не менее творчество писателя дает достаточный материал для реконструкции этого образа в его картине мира.

Достоевский уделял особое внимание проблемам русских колоний, об этом свидетельствует, прежде всего, сделанное им примечание к статье Н.С. Лескова *О русском расселении и о политико-экономическом комитете*. Статья была направлена Лесковым в журнал братьев Достоевских *Время* и опубликована в декабрьском номере за 1861 год. Решение о публикации статьи было принято самим Ф.М. Достоевским со следующей формулировкой: «С удовольствием помещаем статью эту. Вопрос о колонизации в России так важен, что чем больше будут писать о нем люди бывалые и знающие предмет, тем лучше» (Достоевский 1979: XIX: 218). Статья Лескова была продолжением дискуссии, начатой ранее в сентябрьском номере журнала *Время*, где была размещена статья М.И. Венюкова *Вопрос о колонизации*. В центре ее внимания были дебаты, проходившие летом 1861 года в Политико-экономическом комитете Географического общества по вопросу о колонизации приобретенных Российской империей земель. В своей статье Лесков излагает свою позицию по вопросам, поднятым в Географическом обществе, особое внимание уделяя выселению «нашего населения» «из срединных мест империи к ее окраинам» (Лесков 1861: 74).

Безусловно, образ колоний в картине мира Достоевского был связан и с колониями ведущих европейских держав того времени. Так, например, в номере *Дневника писателя* за июль-август 1876 года в главе *Идеалисты-циники* читаем: «Когда Северо-Американские колонии Англии взбунтовались против нее, не кричали ли в практической Англии столько лет сряду, что освобождение колоний от автономии Англии будет гибелью английских интересов, потрясением, бедой» (Достоевский 1981: XXIII: 66). Как мы видим, основным геополитическим конфликтом, в который, в понимании Достоевского, вовлечены колонии, является стремление к их обособлению, отделению от метрополии.

Тем не менее, вопрос о положении колоний, подчиненным европейским державам, не столь сильно занимает писателя, как вопрос о собственных колониях

Российской империи. Как было сказано выше, именно проблемам отечественных колоний, освоению территорий Сибири были посвящены статьи Лескова и Венюкова, к которым внимательно отнесся Достоевский. Писатель полагал, что колонизационная деятельность является одним из основных векторов развития отечественного государства на протяжении многих веков его истории. Так, например, в записной тетради 1875–1876 гг. Достоевский размышляет о переломе в развитии страны, связанном с реформами Петра Первого, и упоминает наравне с

(...) отчужденностью от мира других народов допетровской России колонизаторскую деятельность как одно из ведущих направлений внешней и внутренней политики страны. Замкнутость России, из которой рвалась она, – но умели окраины блюсти и соблюсти государство, единство, торговлю, колонизацию (Достоевский 1975а: XII: 157).

Мысль об интенсивном освоении земель повторяется ещё раз в записной тетради тех лет: «Русская деятельность пассивна. Но до реформы Петра окраины были крепче, колонизация сильнее» (Достоевский 1982: XXIV: 180). Обратим внимание: раз за разом во фрагментах, посвященных теме колонизации, появляется и образ окраин («умели окраины блюсти», «окраины были крепче»). Получается, окраинный вопрос в сознании писателя существовал в связи с проблемой колоний, эти земли имели сходные геополитические особенности. Однако для Достоевского ни Польша, ни Остзейские провинции, ни Кавказские земли не были колониями, хотя тип их экономических, политических отношений с Российской империей являлся свойственным отношениям метрополии и колонии. Заметим: в основе колониальных отношений лежит непреодолимое неравенство колонизирующего и туземца, отношения метрополии и колонии глубоко иерархичны. Достоевский же, используя лексику «колония», оставляет без внимания эту главную составляющую колониальных отношений. Кроме того, колонии – это насильно подчиненные метрополией земли, что также было частью истории России и Польши, Прибалтики. Западные территории империи, несмотря на все вышеперечисленное, мыслились Достоевским как окраины единого российского государства, как неотъемлемые его части, существующие в составе России на основании «братского чувства», а не силы. Несмотря на свою конфессиональную, национальную и культурную разность по сравнению с остальной Россией, Польша и Остзейские провинции не осознавались писателем как чужие, и тем более захваченные. Соответственно, употребить по отношению к ним слово «колонии» он не мог. Колонией были и кавказские земли, однако вопрос о специфическом положении русского Кавказа в принципе не был проблематизирован в творчестве Достоевского (Михновец 2019). С какими же территориями тогда связывал Достоевский образ колоний Российской империи?

В 1868 году Достоевский жил в Женеве и узнавал российские новости со страниц газет. 22 марта он пишет своему другу А.Н. Майкову: «Но вот что: я здесь читаю „Голос“. В нем иногда ужасно печальные факты представляются. Например, об расстройстве наших железных дорог (новопостроенных), об земских делах, об печальном состоянии колоний» (Достоевский 1985: XVIII–I: 281).

Под «колониями» Достоевский подразумевает отдаленные земли Российской империи: главным образом, созданное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство, а также земли Дальнего Востока, недавно вошедшие в состав страны. Дело в том, что колонизация этих земель вовсе не проходила мирно, о чем и писали отечественные газеты. В то время, к которому принадлежит письмо Достоевскому Майкову, на территории Туркестана были волнения среди местного населения против императорской России. Русским Туркестаном во времена Достоевского назывались земли Средней Азии, соотносимые с землями современного Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Казахстана и Таджикистана. Получается, что все это для Достоевского колонии. О территории Туркестана как о колонии империи говорит и герой романа *Подросток* князь Сережа:

Весь бессвязный разговор его, разумеется, вертелся насчет процесса, насчет возможного исхода; (...) о том, что его, наверно, сошлют, по лишении прав, куда-нибудь в северную полосу России; возможности колонизоваться и выслужиться в Ташкенте (Достоевский 1975b: XIII: 333).

Ташкент вошел в состав Российской империи в 1865 году и через два года был назван главным городом Туркестанского генерал-губернаторства, центром русской экспансии в среднеазиатских землях. Поэтому устремление туда князя Серёжи неслучайно: Средняя Азия стала «новым Кавказом» для людей, желающих отличиться на военной службе после взятия имама Шамиля. Для Достоевского же Средняя Азия постепенно обретает свой символический капитал. В 1870-е гг. Достоевский видит туркестанские колонии не просто как точку на карте Российской империи, но как место приложения интеллектуальных и духовных сил русского народа в процессе его становления и перехода на новый уровень общемирового развития. В январском номере *Дневника писателя* за 1881 год в главе *Вопросы и ответы* Достоевский пишет:

А главное – цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, – а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стесковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим (Достоевский 1984: XXVII: 37)

Получается, что образ колоний занимает не первостепенное место в картине мира Достоевского, но стабильно присутствует в ней. Писатель подчеркивает, что колонизаторская деятельность была всегда присуща России, как в допетровское время, так и в середине XIX века, однако современное ослабление колоний вызывает его опасения. При этом Достоевский избирательно относится к тому, что стоит относить к колониям, а что нет: факт экономической и политической зависимости от России для писателя вовсе не является основанием для придания неким землям в составе государства статуса колонии. Неоднократно образ колоний связывается с Туркестаном. В конце своего творческого пути Достоевский, размышляя о путях развития русского мира и развивая «русскую идею», вписывает колонии в свою концепцию развития мира. С образом колоний начинается связываться тема мирового преображения, в котором ключевую роль

играет Россия, нашедшая новый источник своей силы именно в среднеазиатских землях.

Обратимся теперь к образу пограничных земель в наследии Достоевского. Впервые образ границы в творчестве писателя встречается в *Записках из Мертвого дома*. Герой-повествователь рассказывает об одном из тех, кого встретил на каторге: «Я знал в остроге одного арестанта (...) Но он был с западной границы, пришел за контрабанду и, разумеется, не мог утерпеть и пустился проносить вино» (Достоевский 1972: IV: 18). В другом эпизоде описывается один из так называемых бегунов: «Бывал он и на южной русской границе за Дунаем, и в киргизской степи, и в Восточной Сибири, и на Кавказе – везде побывал» (Достоевский 1972: IV: 174). Как известно, *Записки из Мертвого дома* – автобиографическое произведение Достоевского. Попав в Сибирь, Достоевский оказался среди представителей тех социальных слоев, с которыми ранее или не пересекался вовсе, или же не был в столь тесных отношениях. Это и люди не дворянских сословий, и те, кто принадлежал к неправославным конфессиям, и к нерусским этносам. Наряду с титаническими сдвигами в мировоззрении автора, сибирский опыт чрезвычайно сильно повлиял и на представления Достоевского о географии Российской империи, о её жителях. Этот опыт способствовал появлению множества новых образов в дальнейшем творчестве писателя, в том числе геополитических. Образ границ стал одним из них.

В *Записках из Мертвого дома* границы только упоминаются, являясь географическими маркерами конца некоего «своего» пространства. В дальнейшем творчестве Достоевского образ границ всегда отмечен наличием геополитического напряжения. Так, например, в первой половине 1860-х гг. Достоевский неоднократно обращается к образу так называемых «естественных границ», восходящему к одноименной теории. Согласно этой теории, границы государств складываются в ходе их исторического развития естественным образом по линиям природных преград: рек, горных хребтов и т.д. В записной книжке 1863–1864 гг. Достоевский фиксирует, по-видимому, свое намерение написать статью, посвященную этому вопросу: «Статейка о естественных границах. Из этой статьи переход на почву и о ложных идеях» (Достоевский 1980а: XX: 171). Он повторно пишет о своем желании через несколько страниц в записи, датированной 19 августа. В этой заметке Достоевский размышляет о политической обстановке в Европе, о противостоянии Пруссии, Австрии, Франции, упоминает и Америку в связи с развитием новых видов оружия. Вывод Достоевского однозначен: современная геополитическая ситуация разрешится тем, что «границы нарушатся», и далее следует: «о внутренней племенной национальной силе, которая должна заменить границы естественные», «Почва, дух народный» (Достоевский 1980а: XX: 171). Получается, по мысли писателя, пограничные территории должны стать не просто землями, волею исторических судеб оказавшимися на стыке двух государств и культур, а должны обрести свою собственную символическую ценность. В понимании Достоевского эта ценность связывается с понятием «почвы» – главным в его одноименной концепции. При этом писатель не признает возможности существования какой-то своей собственной «по-

чвы» в пограничных землях, они должны быть движимы центростремительной силой, где центр – это славянская православная Россия.

В записной тетради 1876-1877 гг. Достоевский обращается к образу границ, размышляя об их «расшатывании» в связи с обострившейся ситуацией в русско-турецких отношениях:

Турки уступили, – теперь они рассердятся за то, что уступили, и отмстят. Нам надо держать саблю вон из ножен. Всё или ничего от Турции. Если же мы уступим, то нам поневоле придется на следующий же год воевать. Кроме того, шариат, и не только Кавказ и Средняя Азия, но и наши татары задурят. Это будет толчок в мусульманстве. Уничтожением великоруса расшатались границы (Достоевский 1982: XXIV: 280).

В приведенном выше фрагменте записной книжки проблематизируется усиление мусульманского влияния на пограничных территориях: Кавказе, Средней Азии. Причину видит Достоевский именно в ослаблении роли «великоруса», однако последствия этого ослабления имеют вовсе не локальный характер. Снижение влияния метрополии на границах империи чревато рождением внутреннего конфликта: «наши татары задурят». Получается, состояние основных территорий России находится во взаимной зависимости от состояния границ, чтобы укрепить положение всей страны в целом требуется «укрепить» границы. И то, что Достоевский наблюдает обратный процесс, «расшатывание», вызывает его крайнее опасение.

Писатель конкретизирует, что именно является причиной «расшатывания границ», в главе *Мечты и грезы*, опубликованной в *Дневнике писателя* за 1873 год. Достоевский пишет:

Возьмите наше пространство и наши границы (заселенные инородцами и чужеземцами, из года в год всё более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседских элементов), возьмите и сообразите: во скольких точках мы стратегически уязвимы? Да нам войска, чтобы всё это защитить (по моему, штатскому впрочем, мнению), надо гораздо больше иметь, чем у наших соседей (Достоевский 1980b: XXI: 92).

Как мы видим, первопричину того, что границы утрачивают неразрывное единство с остальной Россией, Достоевский видит в этнической принадлежности населения «инородческих», нерусских окраин, национальное сознание и самобытность которых имеет тенденцию усиливаться. Для писателя этот процесс усиления регионов, отличный от общерусского, является вовсе не предвестником усиления всей страны. Подобные федеративные тенденции развития воспринимаются Достоевским как безусловное ослабление всего государства. В черновике к процитированному выше фрагменту главы *Мечты и грезы* писатель активнее подчеркивал связь между преобладанием нерусского населения на границах и их слабостью, уязвимым положением: «Посмотрите теперь на наши границы. Во-первых, они не русские и чем далее, тем более русский облик теряется. Во-вторых, их пространство, необъятность и слабость их» (Достоевский 1980b: XXI: 313).

Геополитические проблемы, которые связаны в сознании Достоевского с образом границ, во многом сходны с проблемами, присущими окраинному во-

просу. Однако окраины в геополитической картине мира Достоевского идентифицируются, прежде всего, с западными территориями Российской империи, в то время как образ границ включает в себя все земли, примыкающие к другим государствам и населенные людьми нерусских этносов. Эти территории представляют собой, по мысли Достоевского, интерес и для других европейских держав, поэтому поддерживать их статус нужно военными усилиями, причем приходящими из центральной России, поскольку в возможность и, видимо, само намерение границ защищаться самостоятельно Достоевский не верит.

Представленное исследование форм и способов присутствия образов земель Российской империи, находящимися за пределами Москвы и Петербурга, показало, что в творчестве Достоевского не существует единого образа нестолличного пространства, возможно говорить о гетерогенном образе, главными составляющими которого являются образ провинции, колоний, пограничных земель и окраин. Образ провинции раскрывается в творчестве писателя в двойственном ключе, традиционном для так называемого «провинциального текста русской культуры»: с одной стороны, как образ идиллического пространства, с другой стороны, как косного, непросвещенного и враждебного. Наряду с этим художественным образом в публицистическом и художественном творчестве Достоевского присутствуют образы с сильным геополитическим содержанием: колоний, пограничных территорий, окраин. В связи с этими образами в центре внимания Достоевского оказывается проблема их этнокультурной и национальной самобытности. Эту проблему писатель обозначает как «расшатывание» и видит в ней «ослабление» как самих этих земель, так и России в целом.

Библиография / References

- Bahtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i èstetiki*. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Бахтин, М.М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература].
- Braže, L.A. (2003). *Fenomen provincializma i ego traktovka: ot semiotiki k sinergetike*. V: *Duhovnaâ žizn' provincii. Obrazy. Simvolj. Kartina mira*. Uľanovsk: UľGTU: 20–24 [Браже, Л.А. (2003). *Феномен провинциализма и его трактовка: от семиотики к синергетике*. В: *Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира*. Ульяновск: УлГТУ: 20–24].
- Dostoevskij, F.M. (1972). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1972). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1975a). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1975). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1975b). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1975). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1979). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1979). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1980a). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1980а). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1980b). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1980b). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1981). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1981). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].

- Dostoevskij, F.M. (1982). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1982). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1984). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1984). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevski, F.M. (1985). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1985). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Ėrtner, E.N. (2006). *Fenomenologija ruskoj provincii v ruskoj proze konca XIX – načala XX v.* Tümen': Izdatel'stvo TümgU [Эртнер, Е.Н. (2006). *Феноменология русской провинции в русской прозе конца XIX – начала XX в.* Тюмень: Издательство ТюмГУ].
- Gabdullina, V.I. (2016). «Sibirskij tekst» Dostoevskogo: obraz provincii. *Kul'tura i tekst*, 3: 93–106 [Габдулина, В.И. (2016). «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции. *Культура и текст*, 3: 93–106].
- Geopanorama ruskoj kul'tury. Provincii i ee lokal'nye teksty.* (2004). Moskva: Ėzyk slavjanskikh kul'tur [Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. (2004). Москва: Язык славянских культур].
- Karelova, T.V. (2011). Obraz provincii v otečestvennoj literature i žurnalistike. *Izvestiä Samarskogo naučnogo centra RAN. Seriiä «Filologija»*, 2–13: 419–422 [Карелова, Т.В. (2011). Образ провинции в отечественной литературе и журналистике. *Известия Самарского научного центра РАН. Серия «Филология»*, 2–13: 419–422].
- Kazari, R. (2000). *Russkij provincial'nyj gorod v literature XIX v. Paradigma i varianty. Russkaä provinciiä: mif-tekst-real'nost'.* Moskva–Sankt-Peterburg: Tema: 164–170 [Казари, Р. (2000). *Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты. В: Русская провинция: миф-текст-реальность*. Москва–Санкт-Петербург: Тема: 164–170].
- Kozlov, A.E. (2012). *Problema semantičeskoj ėmкости ponätiiä «provincial'nyj tekst».* Tradicii i innovacii v filologii XXI veka: vzgläd molodyh učenyh. *Materialy Vserossijskoj molodežnoj konferencii.* Tomsk: Izdatel'stvo TGU: 257–261 [Козлов, А.Е. (2012). *Проблема семантической ёмкости понятия «провинциальный текст».* Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых. *Материалы Всероссийской молодежной конференции*. Томск: Издательство ТГУ: 257–261].
- Kozlov, A.E. (2013) Provincial'nye süžety ruskoj literatury XIX veka: osnovnye principy tipologii. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 1: 100–115 [Козлов, А.Е. (2013). Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: основные принципы типологии. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 1: 100–115].
- Kuznecova, E.G. (2007). Koncept «provinciiä» v hudožestvennoj sisteme F. M. Dostoevskogo. *Učenyje zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2: 283–292 [Кузнецова, Е.Г. (2007). Концепт «провинция» в художественной системе Ф.М. Достоевского. *Ученые записки Казанского государственного университета*, 2: 283–292].
- Kuznecova, E.G. (2008). F. M. Dostoevskij i Kazan': (pisatel' i kul'tura ruskoj provincii vtoroj poloviny XIX – načala XX vv.). Kazan': KGU [Кузнецова, Е.Г. (2008) *Ф.М. Достоевский и Казань: (писатель и культура русской провинции второй половины XIX – начала XX вв.)*. Казань: КГУ].
- Leskov, N.S. (1861). O russkom rasselenii i o politiko-ėkonomičeskom komitete. *Vremä*, 12: 72–86 [Лесков, Н.С. (1861). О русском расселении и о политико-экономическом комитете. *Время*, 12: 72–86].
- Lounsbury, A. (2016). *Symbolic geography*. In: Martinsen, D.A., Maiorova, O. (Ed.). *Dostoevsky in Context*. Cambridge: Cambridge University Press: 159–167.

- Mihnovец, M.V. (2019). Kavkaz v sisteme geopolitičeskikh predstavlenij F.M. Dostoevskogo. *Studia Rossica Gedanensia*, 6: 97–206 [Михновец, М.В. (2019). Кавказ в системе геополитических представлений Ф.М. Достоевского. *Studia Rossica Gedanensia*, 6: 97–206].
- Mihnovец, M.V. (2021). «Okrainy» Rossijskoj Imperii v geopolitičeskoj kartine mira Dostoevskogo. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorij i praktiki*, 3: 614–620 [Михновец, М. В. (2021). «Окраины» Российской Империи в геополитической картине мира Достоевского. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3: 614–620].
- Murzak, I.I. (2007). «O rus! O Rus'!» (Landšafty nacional'noj duši). V: Murzak, I.I., Âstrebov, A.L. *Dinamika sūžetov v ruskoj literature XIX veka*. Moskva: GramotaRu [Мурзак, И.И. (2007) «O rus! O Русь!» (Ландшафты национальной души). В: Мурзак, И.И., Ястребов, А.Л. *Динамика сюжетов в русской литературе XIX века*. Москва: ГрамотаРу].
- Popova, E.A., Šurupova, O.S. (2013). Provincial'nyj tekst ruskoj literatury s točki zreniâ lingvistiki sverhteksta. *Filologičeskaâ regionalistika*, 2: 39–44 [Попова, Е.А., Шурупова, О.С. (2013). Провинциальный текст русской литературы с точки зрения лингвистики сверхтекста. *Филологическая регионалистика*, 2: 39–44].
- Rastorgueva, V.S. (2018). Provincial'nyj tekst ruskoj literatury: Staľnoj Gorod i Čelovek (po proizvedeniâ m lipeckih pisatelej). *Naučnyj dialog*, 12: 220–232 [Расторгуева, В.С. (2018). Провинциальный текст русской литературы: Стальной Город и Человек (по произведениям липецких писателей). *Научный диалог*, 12: 220–232].
- Ruskaâ provinciâ: mif-tekst-real'nost'*. (2000) Moskva–Sankt-Peterburg [*Русская провинция: миф-текст-реальность*. (2000) Москва–Санкт-Петербург].
- Safronova, E.Û. 2020. Sibirskij tekst F.M. Dostoevskogo: problemy i perspektivy. *Neizvestnyj Dostoevskij*, 3: 54–96 [Сафронова, Е.Ю. 2020. Сибирский текст Ф. М. Достоевского: проблемы и перспективы. *Неизвестный Достоевский*, 3: 54–96].
- Šukin, V.G. (1997) *Mif dvorânskogo gnezda. Geokul'turoloģičeskoe issledovanie po ruskoj klassičeskoj literature*. Kraków: Jagellonian University Press [Шукин, В.Г. (1997) *Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе*. Kraków: Jagellonian University Press].
- Viktorovič, V.A. (2009). Kolomenskij tekst ruskoj literatury: k opredeleniũ ponâtiâ. *Kolomna i Kolomenskaâ zemlâ: istoriâ i kul'tura*. Kolomna: Liga: 336–345 [Викторович, В.А. (2009). Коломенский текст русской литературы: к определению понятия. *Коломна и Коломенская земля: история и культура*. Коломна: Лига: 336–345].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.